

Глава 6. Ни-ког-да...

Известно, что понедельник — день тяжёлый, для веселья не предназначенный. Но что человеку все приметы и присловья, если у него сегодня разгульное настроение! Встал на заре, накинул с топором на чурбаки за сараем — то-то силушка играет! Мать за завтраком спросила: сон хороший привиделся? То ходил какой-то сам не свой, а тут весёлый поднялся с постели...

Мама, дорогая, сон не сон, а нечто подобное было. Спускаюсь я с горы к быстрой воде, навстречу мне красивая, какие только во сне бывают. Машет мне белой ручкой...

Понятно, ничего этого рассказывать он не стал — не посмел вводить старую в сомнение. Только обнял её за плечи: «Весёлый, мама, потому, что жизнь хороша...»

Ах, мама, мама, чуткое сердце! Ничего не укроется — слышит каждый вздох сыновний. Верно ведь — совсем худо мне было. Тот печальный разговор с Майей начисто выбил из колеи, то и дело вспоминалось: «Никто мне не нужен! Ни-ког-да!»

Похоже, до сих пор она любит своего Сеню, как двадцать лет назад. Возможно ли такое? Возможно или невозможно, но никто не дал тебе права лезть в душу. Уж ты-то знаешь, как у них всё было, никому другому, а именно тебе, Серёжке Аласову, доверял товарищ самое сокровенное. А ты? Эх, Чурбан Чурбанович...

Попытался оправдаться, заговорить с Майей на переменке, но школьные переменки совсем неподходящее время для серьёзного разговора. Вчера, в воскресенье, не выдержал, отправился на другой конец деревни. Прошёлся по-над кручей, спустился к воде и снова поднялся. Терпение его было вознаграждено. Глядь, она — с вёдрами к реке спускается, пёстрое ситцевое платье вьётся вокруг колен.

— Ба! Кто это в наши края пожаловал! Здравствуй, Сергей Эргисович, чего бродишь у реки, как иччи печальный?

— Да вот пришёл речку Таастах проведать. Столько лет не виделись...

Но не получают у него хитрости с этой женщиной! Вдруг, против собственной воли, брякнул:

— Извиниться хочу... Обидел я тебя...

— Да ну тебя! — Майя махнула рукой, милые её глаза засмеялись. — Каким ты, оказывается, сердобольным стал... Лучше бы за другое попросил прощения: пообещал отметить прибытие — и в кусты?

— Майечка! Да я хоть сейчас. Две бутылки вина припасены. Хочешь, сбегая?

— Вот теперь узнаю Серёжку Аласова. Сегодня у меня генеральная стирка, — показала руки, красные от воды. — А вот послезавтра, скажем... У меня день без уроков, успею с пирогами.

— Послезавтра! — проговорил Аласов как на молитве. — Дай бог дожить до послезавтра.

Выхватил у неё ведра, сигая, побежал к реке.

— Ну, как речка далёкого детства? — спросила она, встав рядом.

Ветер рябил воду, полоскались в быстрой воде тальники. Словно было уже всё это в его жизни.

— Ничего речка. Только маленькая какая-то... Вспоминалась широкая, а в ней вон песок светится.

— Вырос ты, Серёжа Аласов. Через всю Европу прошагал, столько рек видел. Теперь тебе Таастах — ручеёк.

Она взяла у него из рук ведра, слегка подобрвав подол, зашла по камешкам в воду, туда, где можно было поглубже зачерпнуть. У неё были сильные, по-деревенски загорелые ноги.

— Ладно, пойду я. А ты постой ещё, полюбуйся. Повспоминай. Думал, наверно, как придёшь сюда с войны, и она рядом. Кто бы мог знать тогда: и не я с Сеней, и не ты с Надей. А встретимся у речки случайно мы с тобой. Две разные половинки, — она усмехнулась невесело. — Не все сны сбываются, Серёжа. А Надежда твоя Пестрякова — отступница. Нет ей прощения...

— Слушай, — сказал Аласов сердито. — Если ты ещё раз заикнёшься о Пестряковой...

— То что мне будет?

— Вот посмотришь что... Сама ведь сказала: «Давай как взрослые». Вот я тебе по-взрослому: ничего у меня к ней не осталось. И мне всё равно, что по этому поводу говорят досужие языки... В том числе и ваша раскрашенная Хастаева — вчера навязалась с разговором, намекает насчёт старой любви. Чуть не послал её по-солдатски. А вот ты должна знать: мне Пестрякова — ни жарко, ни холодно. Никак. Запомнила, что я сказал?

— Запомнила, — сказала она, любуясь его гневом. — Мне-то что до ваших отношений? Главное, чтобы ты сам для себя решил.

Но по лицу её было видно, что ей всё это не безразлично.

— Знаешь, я даже рада твоим словам. Обидно, если бы Серёжа Аласов продолжал убиваться по такой.

«Я даже рада...» — это первое, что вспомнилось ему сегодня утром. Он приглашён в гости, и весь завтрашний вечер они будут вдвоём. Чёрт тебя возьми, Серёжа Аласов!

Вдвоём с Майей... Он говорил это себе, рубя дрова, машинально уничтожая завтрак, шагая в школу. С тем же настроением пришёл на урок, — ему бы сейчас не указкой водить по карте, а горы ворочать, быкам рога крутить.

Была большая перемена, на школьном дворе затеяли волейбол — Аласов, покосившись на окна учительской, тоже сбросил пиджак: подавайте на меня, ребята!..

Когда-то с Сеней Чычаховым они умели это.

— Накинь получше!

— Блок!

— Ещё раз!! Вот вам блок!..

В разгар игры он не сразу заметил, что зоолог Сектяев стоит на крыльце и подаёт ему выразительные знаки: кончайте, мол, зовут вас.

— Что там ещё? — спросил Аласов, на ходу заправляя рубашку.

— Чрезвычайное происшествие. В вашем десятом... Завуч бушует... Гроза!

В учительской и впрямь была гроза. Стоящего за столом Тимира Ивановича даже пошатывало, лицо его было бледнее обычного. Но громы и молнии метал не он, а его супруга, Надежда Алгысовна.

— Вы классный руководитель, — накинулась она на Аласова, едва он переступил порог. — Вы должны отвечать за класс! Я этого так не оставлю!

— Чего «этого»? — спросил Аласов как можно спокойнее.

— Сергей Эргисович, — взял его под руку завуч. — Дело в том, что ученики вашего класса отказываются учиться...

— Забастовка?

— ...Они отказались учиться, — повторил завуч, пропустив вопрос Аласова мимо ушей. — И Надежда Алгысовна вынуждена была покинуть класс, не закончив урока.

— Да, да, — закричала Пестрякова. — Именно так. Была вынуждена. Я прошу их: поднимите руки, кто выполнил задание, ни одна рука не поднимается. Вызываю к доске — не выходят!

Экой крикухой стала с годами весёлая Наденька. Шея вздулась, лицо пошло пятнами. Но почему они решили бойкотировать урок Пестряковой?

Давно это копилось между десятиклассниками и учителями — вот и взорвалось! Однако почему именно против Надежды? Как она кричит... Майя верно сказала: раньше за Надеждой такой психопатии не водилось. Ах, Майка, кто бы подумал, что завтра у нас с тобой пир горой! Чего они кричат, брызжут, люди мрачные, если у нас завтра с тобой пир горой! Знали бы Пестряковы, о чём в эту минуту размышлял Аласов, отчего он не к месту заулыбался.

— Они мне ещё ответят! — продолжала между тем Надежда. — Не класс, а сборище хулиганов!

— Включая и вашу дочку? — любопытствовал Нахов.

— А с вами я вообще не разговариваю!

— О, горе мне! — простонал Нахов. — Со мной вообще не разговаривают!

От неуместного этого шутовства завуч скривился, как от зубной боли. Его раздражал не только Нахов. Вот и Аласов — вместо того, чтобы беспокоиться происшедшим, сидит на краешке стола и улыбается неизвестно чему.

— Товарищ Аласов, — сказал завуч, обрубая словопрения. — Сейчас в десятом классе урок якутской литературы. Думаю, что Василий Егорович не станет возражать, если вы перед уроком проведёте с учениками энергичную беседу...

— Беседы, беседы, — заворчал Нахов. — Вместо уроков...

— Па-апрошу сделать так, как я сказал. Хулиганская выходка допущена в десятом, выпускном классе. Полагаю, здесь не нужно много объяснять, что это значит. Надо сейчас же, по горячим следам, выявить зачинщиков. А завтра соберём педсовет, Сергей Эргисович проинформирует нас...

Помучившись с классом минут десять, Аласов махнул рукой: нечего и время терять.

Нахов, демонстративно отойдя к окну, не принимал в беседе-дознании никакого участия. Весь вид его выражал возмущение — у него срывался урок!

— Извините, Василий Егорович, зря я у вас отнял время, — сказал Аласов вполголоса, подходя к нему. — Будет комсомольское собрание, там и разберёмся.

— Боюсь, что и на комсомольском не разберётесь.

Сочувственная его улыбка не понравилась Аласову.

— Не бойтесь, Василий Егорович, — успокоил он Нахова. — Главное, ничего не надо бояться.

Он хотел ещё что-то добавить, но вовремя остановился, заметив, как тянут шею ребята.

— А как же отпрапортуете на педсовете?

— Отложим педсовет.

Нахов не без любопытства поглядел вслед новому учителю. Ишь ты, как он по-хозяйски: «Отложим». Вот погоди, Пестряков тебе отложит...

Аласов постоял минуту в коридоре. Из-за каждой двери несло своё — в одном классе писали диктант, в другом считали хором, в третьем бубнил что-то физик Кылбанов, а из угловой комнаты слышалось нестройное пение малышей. Шум ребячьего, рабочего улья — святей для учителя шум.

«Ничего! Ещё и рыбка наша взыграет, и солнышко наше взойдёт! — подумал Аласов словами старой якутской пословицы. — Сегодня такой день, что любая печаль — не печаль».

Приходит час, и сбываются сны. Настал вторник и вечер вторника. В парадном костюме Аласов появился на пороге Майиного дома.

— Ладно, ладно, Серёжа... — Майя с трудом отняла свою руку.

Аласов без слов глядел на неё, раздумывая у печи, лохматую.

На кухне шкворчало и шипело, умопомрачительные запахи доносились оттуда.

— Осваивайся, кончаю уже.

Всё ещё чувствуя на ладони тепло её руки, Сергей зашагал из угла в угол. Девичья комнатка была тесна ему.

Вот уж правда — девичья. На всём словно печать: это Майино. Креслице, высокая кровать, зеркало. В это зеркало она смотрится утром, встав с постели...

В простой рамке портрет — юноша с запрокинутым лицом, хохочущий рот. Снимок размытый, нерезкий, из-под рамки выглядывает чьё-то отрезанное плечо, — переснято с групповой карточки.

Они с боем выиграли кубок по волейболу, весь райцентр кричал «ура», фотодеятель из местной газеты щёлкнул их, ещё разгорячённых победой. Отрезанное плечо — это как раз его, Сергея Аласова, плечо...

На маленьком столике стояла ещё одна карточка. Тоже Сеня — в гимнастёрке, в пилотке. Лицо его здесь было черно, брови насуплены, парню можно было дать все тридцать. А между снимками — всего несколько месяцев. Первый снимок — их юность, школа, волейбол, а второй — война. Фотографировались в Новосибирске, на рынке у «пушкаря».

Никаких других карточек в комнате Майи не было, даже их общей, после десятого класса. Сенька был единственным здесь хозяином.

Сергей поднёс карточку к глазам. Вопрошающий Семёнов взгляд устремился ему навстречу — взгляд человека, которого через полтора года убьют на войне. За спиной солдата был изображён рыцарский замок и белые лебеди на пруду.

Он не слышал, когда вошла Майя, только почувствовал дыхание рядом — Майя через плечо тоже смотрела на карточку.

— Без погон почему-то. Разве тогда ещё не было?

— Тогда ещё не было.

Он осторожно поставил карточку на место, но она снова взяла её, протёрла стекло фартуком.

— Расскажи, — попросила. — Как всё это было?

— Да я ведь рассказывал... И писал подробно.

— Расскажи, — повторила она.

Она села в креслице, он стоял, прислонившись спиной к стене. Снова, в который раз, стал он пересказывать — как они шагали строем по лесному тракту,

как на полпути остановились на свой первый солдатский привал, и Сеня Чычахов, лёжа рядом с ним, головой на мешке, сказал тогда: «Майя с твоей Надей там остались. Они подруги верные. Давай и мы с тобой — до самого конца...» И Сергей ответил: «Давай, Сеня».

Новобранцев повезли на барже по Лене. Они спали бок о бок, ели из одного котелка. Почти совсем не спускались с палубы вниз — ведь видели Лену первый раз в жизни. И может, последний...

Однажды их подняли среди ночи по тревоге, зачитали сообщение Совинформбюро: советская авиация бомбила Берлин! Вот уж возликовали, как только баржу не перевернули!

Всю зиму они проучились в полковой школе под Новосибирском. Выпускникам в строю объявили: Аласов направляется в пехотное училище, Чычахов в маршевую роту, на фронт. Едва дождавшись команды «разойдись», кинулись к начальству: они непременно должны быть вместе! Всё напрасно. Расставаясь, они чуть не плакали, два парня. Сеня утешал: «Я тебя на фронте буду ждать».

Сергей рассказывал, искоса поглядывая на Майю. Она сидела неподвижно, и глаза её были сухи. Но блеск их был горячечный, и Аласов подумал: уж лучше бы заплакала...

— Не жив и не погиб, «пропал без вести», — проговорила она. — Сколько ни посылала запросов, всегда одно и то же — «пропал без вести». Как это можно — человек пропал?

Она встала, выдвинула ящик маленького столика.

— Письма Сенины... Можешь посмотреть...

Из кухни остро несло пригорелым, Майя пошла туда, оставив его наедине с письмами.

Военные треугольнички без марок, все в чернильных кляксах штемпелей, истёртые на сгибах. Можно себе представить, сколько раз она разворачивала их и сворачивала.

Сергей открыл одно, в глаза бросилось: «Пташечка моя...» — поспешно свернул письмо. По штемпелям можно было определить — это из полковой школы, а эти уже с фронта. Одно письмо было особенно истрёпано, наискосок по нему выведено расплывшимся химическим карандашом: «Передай дальше по цепи». Видимо, последнее. Сергей, почему-то оглянувшись на дверь, развернул треугольник.

«...Милая, золотая моя! Вот уже два дня, как он молотит нас, то сверху, то в лоб. Но о смерти не думаю... Пока даже не царапнуло. Живу и буду жить! Вернусь к тебе».

Они разлили вино по рюмкам, подняли, не чокаясь.

— За Сеню первую.

— За Сеню...

Может, впервые в жизни Аласову с такой сосущей тоской захотелось выпить. Но вино было слабое. Чтобы не обидеть хозяйку, он старательно ковырялся в жареном. Сама Майя есть ничего не стала.

«Ни-ког-да!» — закричала тогда на тропинке. А ведь и правда — никогда. Ни я, никто другой.

Это у неё даже больше, чем любовь. Зарубцовываются самые страшные раны, но на живом, на живущем. А здесь вдова до гроба — хоть и не венчанная.

— Ты мне о Сене всё рассказывай, любую подробность, какую вспомнишь. О чём вы тогда говорили?

— Говорили о войне... — с несдержанным раздражением ответил он и тут же поправился: — И о вас, конечно. Старались представить себе, как вы здесь с Надей. Тебя он очень любил...

Аласов поднял глаза и поразился незнакомому её облику — резко прочерченные к подбородку морщины, седые нити в волосах. Нет, давным-давно она уже не та девушка, какой показалась у речки, с ведрами.

Проскрипели шаги под окном, кто-то на пороге с шумом стал обивать ноги.

— Это ты, Саргылана?

— Я, Майя Ивановна...

Ах да, у Майи ведь жиличка. Саргылана Тарасовна, молоденькая литераторша. Как он, собираясь в гости, не вспомнил об этом? И слава богу.

Теперь они сидели за столом втроём. Аласов изо всех сил стал ухаживать за постоялицей. Саргылана Тарасовна вблизи и вовсе ребёнок — глазки, кудряшки... Вино она выпила с гримасой, будто кислоты глотнула.

— А теперь давайте за нашу приживаемость. Мы ведь с вами, Саргылана Тарасовна, оба новенькие в школе, не так ли?

Девушка вместо ответа только взглянула умоляюще.

— Сергей Эргисович, — сказала Майя, легко тронув Аласова за руку. — Давайте лучше по-русски будем говорить. Саргыланочка по-якутски не может так быстро.

— Как?! — изумился Аласов. — Да она что... не якутка, выходит?

Ему не ответили, за столом воцарилось неловкое молчание. Но когда снова заговорили, беседа продолжалась уже по-русски.

Теперь Саргылана Тарасовна держалась куда бойчей — принялась рассказывать о своём недалёком отрочестве, вспоминать студенческие годы, потом пожаловалась, как плохо у неё получается в школе — ребята не слушаются, урока то не хватает, то слишком долго тянется время...

— Я вам одно скажу, дорогая Саргылана, — вдруг прервал он девушку. — Будет у вас ребёнок, непременно учите его якутскому. Потому что не дело это... — Он поймал предостерегающий взгляд Майи, но не остановился, а даже с вызовом пристукнул ладонью по столу. — Да, не дело! Однажды в Якутске останавливаю такого... сопляка. Спрашиваю что-то, а он мне: «По-вашему не говорю». По-вашему! Я так вам скажу, дорогая Саргылана...

Но та неожиданно поднялась и кинулась из комнаты. Майя укоризненно глянула на Аласова:

— Сергей, ну разве можно так!

— Чёрт знает какой у меня невезучий характер, — смущённо жаловался Аласов Майе уже на улице; накинув шаль, она пошла проводить его. — Как у Мэник Мэнигийээна — хочется лучше, а получается хуже. Шёл мириться, а вдобавок ещё одного человека обидел...

Майя стала рассказывать, какая славная девушка Саргылана, как она мучается, что так воспитана с детства. А он видел её лицо, поблёскивающие зубы и думал, что всё кончено. Майка рядом, что-то говорит ему, держит под локоть, а на самом деле она всё дальше и дальше. И тут уже ничего не поделать. Висит над её кроватью портрет, где торчит и твоё отрезанное плечо. Тут и весь ответ тебе.

— ...А иначе как же без методики, верно? — спросила Майя и заглянула ему в лицо.

— Верно! — сказал он со всей возможной убедительностью. — Майечка, это ты совершенно правильно...

Он пожал ей руку, будто перед разлукой стараясь запомнить её лицо:

— За пироги спасибо, никогда вкуснее не едал.

Это случайно подвернувшееся «никогда» отдалось в нём эхом: «ни-когда»...

Майя что-то ещё говорила ему, но он думал теперь о том, что пора приниматься за дело, работой вышибать из себя дурь. Когда человек возвращается в родные края, сначала его носят на руках, угощают, мир кружится вокруг колесом, но проходят первые дни, люди опять обращаются к своим делам, и жалок гость, который вовремя не заметил перемены и всё ещё куролесит. Уймись. Ты не гость уже, а здешний житель, работник. Пора!

— Пора, — сказал он Майе. — Пойду...

— Иди, — сказала она. — До завтра.